

Ключевые слова: религия, религиозная организация, псевдорелигия, культ, секта, деноминация, церковь, типы сект.

Dyadushkin A. M. Pseudo religious organizations as object of research of sociology of religion

Modern sociology of religion as structural part of complex of sciences about religion in the context of research pseudo religions as phenomenon of modern society. An author examines basic go near tipologii of religious organizations in the context of research pseudo religious organizations. Suggests to use methodology determinations of types of religious organizations for research of basic descriptions of specific of the social functioning pseudo religions as social organizations. Also, possibility is examined for sociological research pseudo religions, to use methodology of classification of types of religious organizations, such as: church, sect, denomination, cult. To analyse possibility of determination pseudo religious social organizations offered, as very look like the religious cults of organization. And also, in the context of modern theories in area of sociology of religion probed pseudoreligious organizations. In particular, as pseudo it is suggested to define religious social organizations parody religions. Studied methodological possibilities of modern sociology of religion in researches pseudo religious social organizations. Offered for a study pseudo religious social organization to apply methodology of research all the same of types of religious organizations as a church and sect, denomination and cult.

An author draws analogy between some pseudo religious social organizations and some religious social educations. A specific feature is analysed pseudo religious social organizations which can be the strongly structured associations.

Those associations which do not have the expressly expressed social structure are analysed, also. As an important aspect of functioning many pseudo religious social organizations it is suggested to select the brightly expressed hierarchical structure

УДК 141

А. Ф. Захарчук

Национальный горный университет (г. Днепрпетровск)

СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ РАЦИОНАЛЬНОГО – ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Ф. НИЦШЕ

Проанализированы взгляды Ф. Ницше на проблемы современного западного общества в контексте соотношения элементов рационального – иррационального. Рассмотрено влияние критики Ф. Ницше рационалистических интенций западной культуры на становление некоторых современных неклассических подходов в западной философии к пониманию природы общества и общественных процессов.

Ключевые слова: Ф. Ницше, общество, рациональное, иррациональное, западная философия, теория кризиса.

Актуальность анализа элементов рационального – иррационального в контексте социально-философских воззрений Ф. Ницше обусловлена необходимостью показать общественный процесс в динамике, как процесс поступательного развития гуманитарного знания, которое стремится ко всестороннему осмыслению природы человека и общества. Таким образом, важным аспектом осмысления общественной проблематики является обращение к иррациональным и рациональным сторонам его бытия.

Понимание важности всестороннего изучения природы человека, которое присуще современной неклассической философии, во многом стало возможным благодаря воззрениям Ф. Ницше, который одним из первых в западной философии предпринял попытку отойти от ее классических форм. В этой связи можно утверждать, что философия жизни в целом и учение Ницше, как ее наиболее яркого представителя в частности, внесли неоценимый и даже фундаментальный вклад в осмысление иррациональной стороны бытия человека и общества.

Критика Ф. Ницше рационализма как наиболее характерного элемента западной классической философии оказала значительное влияние на становление ряда

and control of membership in organization. An author specifies on importance of further study pseudo religions as social organizations.

Keywords: pseudo religion, social structure, religion, religious organization, sociology of religion, church, sect, cult, denomination, types of sect.

References

'Akademichne religieznavstvo' ['Academic Religious'] 2000, Svit znan' Publ, K.

Barker, A 1997, *'Novye religioznye dvizhenija. Prakticheskoe vvedenie'* ['New Religious Movements. A practical introduction'], Russian Christian Humanitarian Institute Publ, St. Petersburg.

Bekker, G 1961, *'Sovremennaja sociologicheskaja teorija v ee preemstvennosti i izmenenii'* ['Contemporary sociological theory in its continuity and change'] Moscow Publisher of Foreign Literature.

Vasil'eva, E 2008, *'Tipologija «cerkov'–sekta» Vebera – Trjol'cha i ee razvitie v zapadnom i otechestvennom religiovedenii. Avtoreferat diss'* ['Typology «church – sect» Weber – Troeltsch and its development in the western and domestic religious studies Author's abstract'], M., viewed 20 February 2013, <http://iph.ras.ru/uplfile/asp/autoreferat/Autoreferat_Vasilieva.pdf>.

Gajdenko, PP 1979, *'Sociologija Maksa Vebera* [Sociology of Max Weber'], *Istorija burzhuznoj sociologii XIX – nachala XX veka*, M., Nauka Publ., pp. 253–308.

Garadzha, VI 1996, *'Sociologija religii: uchebnoe posobie dlja vizov'* ['Sociology of Religion: a manual for schools'], Aspect Press Publ, Moscow.

'Pro svobodu sovisti ta religijni organizacii. Zakon Ukraini' ['About freedom of conscience and religious organizations: Ukrainian law'], *Vidomosti Verhovnoi Radi URSR (VVR)*, Kyiv, 1991, № 25.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

течений в сучасній західній антисциентистській філософії в частині, а в цілому – дана критика також сприяла смені філософської парадигми в західній культурі. Тому ірраціоналістичний аспект ніцшеанської філософії є актуальною темою для вивчення як в середі зарубіжних, так і в середі вітчизняних дослідників.

Серед українських сучасних дослідників, які зверталися до багатьох актуальних для сучасного суспільства проблем в контексті філософії Ф. Ницше, можна назвати таких: А. К. Бычко, П. И. Гнатенко, В. Гринив, Н. Н. Емельянова, Н. В. Загурская, Д. Д. Ледницький, В. Б. Окороков, В. В. Остроухов, Ю. А. Шабанова и др.

Цілью даної статті є аналіз актуальних суспільних проблем в контексті понять рационального – иррационального як значимих понять, апробованих в сучасних філософських дослідженнях.

Для досягнення цієї цілі слід вирішити ряд задач:

- каково соотношение элементов рационального и иррационального в социально-философских воззрениях Ф. Ницше;

- каково влияние иррационалистического подхода Ф. Ницше на осмысление природы общественных отношений в современной антициентической философии (на примере философии Франкфуртской школы);

Анализируя общество и отношения внутри него, Ницше, конечно же, исходит из основной своей идеи о том, что человек как биологическое существо является продуктом естественного, природного развития, и эта его естественная, природная часть является доминирующей в человеке. Уход от этой естественности как раз и порождает все общественные проблемы. Под естественностью Ницше, прежде всего, понимает инстинкты, бессознательные стремления, а также различные эмоциональные аффекты и страсти. Исходя из этой своей основной установки, Ницше подвергает острой критике современное ему буржуазное общество за чрезмерное увлечение рационализмом и за проистекающий из него нигилизм, который и есть непосредственная причина будущей гибели европейской цивилизации. «Что обозначает нигилизм? – то, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»» (Nicshe 1991, p. 9) [10, с. 9].

Нигилизм, как главное историческое событие своей эпохи, Ницше выразил в форме тезиса «Бог мёртв». Но нельзя утверждать, что сущностью и основанием нигилизма является неверие в христианского Бога. Как справедливо полагал Хайдеггер, своим тезисом о смерти Бога Ницше выносит приговор всей новоевропейской метафизике в целом. «Метафизика, – писал Хайдеггер, – это пространство исторического совершения, пространство, в котором судьбою становится то, что сверхчувственный мир, идеи, Бог, нравственный закон, авторитет разума, прогресс, счастье большинства, культура, цивилизация утрачивают присущую им силу созидания и начинают ничтожествовать» (Hajdegger 1994, p. 178) [13, с. 178].

Поэтому неудивительно, что Ницше, критикуя общество за его недостатки, испытывает чувство ненависти к современным ему реалиям. Он с ненавистью говорит о Жан Жаке Руссо – «Я ненавижу Руссо еще и в революции: она есть всемирно-историческое выражение для этой двойственности идеалиста и *canaille*. Кровавый фарс, которым разыгралась эта революция, ее «имморальность», мало меня трогает: я ненавижу ее *моральность* в духе Руссо – так называемые «истины» революции, которые все еще не утратили влияния и привлекают к ней все плоское и посредственное» (Nicshe 1990d, p. 622) [12, с. 622].

В этом высказывании немецкий философ как раз и подчеркивает, что нигилистическое отрицание, заложенное в западном обществе рационализмом, ведет его к моральному краху.

Более того, по мнению последователей Ницше, рационализм может быть понят и как инструмент непосредственного подавления свободы в современном обществе. «Люди, – заявляют Адорно и Хоркхаймер, – платят за увеличение своей власти отчуждением от той сферы, к которой она применяется. Просвещение относится к вещам, подобно диктатору, управляющему людьми. Оно постигает их настолько, насколько они пригодны для манипуляции» (Horkheimer & Adorno 1969, p. 15) [15, p. 15].

Чтобы преодолеть эти негативные моменты, Ницше считает, что жизнь общества должна основываться на инстинктах, которые могут привести людей к свету и истине, а не на разуме, который, видимо, уводит

людей с этого пути. Главный же инстинкт, согласно Ницше, – это воля к власти. Ведь «жить – значит желать господствовать». «Что значит жить? Жить – это значит: постоянно отбрасывать от себя то, что хочет умереть; жить – это значит: быть жестоким и беспощадным ко всему, что становится слабым и старым в нас, и не только в нас» (Nicshe 1990b, p. 535) [9, с. 535].

Понятие господства как главного элемента в организации жизненных процессов у Ницше действительно вполне может быть истолковано как элемент, имеющий отношение сугубо к иррационализму. Как указывает Герберт Маркузе, «господство отличается от рационального использования власти. Последнее, будучи присущим любому общественному разделению труда, проистекает из знания и ограничивается отправлением функций и мер, необходимых для прогресса целого. В противоположность этому, господство исходит от особой группы или индивида и направлено на поддержание и возвышение своего привилегированного положения. В то же время, не исключая технического, материального и интеллектуального прогресса (но лишь как неизбежный побочный продукт), такое господство сохраняет иррациональную нужду, недостаток и принуждение» (Markuze 2003b, p. 38) [6, с. 38].

Хотя Ницше и предпочитает анализировать общественную жизнь преимущественно в психологических терминах, следует иметь в виду, что понятие воли к власти – это в первую очередь онтологическая, метафизическая конструкция. Поэтому рассуждения философа об инстинктах и их роли в жизни общества все же покоятся на метафизическом фундаменте.

«Концепт власти, – согласно М. А. Корецкой, – изобретался Ницше для того, чтобы выйти за рамки метафизического мышления, с той же целью он использовался и постструктуралистами, но при этом, несмотря на все оговорки, этот концепт все время норовит втянуть мысль в построение какой-то квазионтологии, поскольку, если мы всерьез включаемся в терминологическую игру этого концепта, мы почему-то начинаем видеть властные отношения повсюду, власть оказывается тотальной» (Корецкая 2007, p. 3) [3, с. 3].

Следует добавить, что эта «метафизическая тотальность» присуща всем главным идеям немецкого мыслителя. Карл Ясперс по этому поводу отмечал следующее: «Ницше же проповедует метафизику воли к власти, пророчествует о грядущем единоличном Вожде и Законодателе. Из глубины тотального нигилизма он провидит возрождение – через властителей, которые силой возьмут в свои руки мировую историю, подчинив ее, без жалости и снисхождения, жестокому тотальному планированию. Опорой им послужит метафизика вечного возвращения и дионисической жизни» (Jaspers 2004, p. 105) [14, с. 105].

Но, как было сказано, исходящий из идеи «воли к власти» анализ общества у Ницше осуществляется с позиций психологизма, которые, к тому же, чрезвычайно близки к современным воззрениям психологов на природу общества.

Психологи, занимающиеся проблемами политики и общества, также как и Ницше, настаивают на психологическом характере сущности общественных отношений. Так, среди представителей политической психологии довольно распространена позиция, что критериями выделения типов обществ стали материальные, овеществленные показатели. «Мы же

считаем, – пишут О. Донченко и Ю. Романенко, – что такими критериями должны быть те, которые доказать и увидеть невозможно, но они существуют и существенно влияют на жизнь сообществ и отдельных людей – глубинно-психологические и психокультурные инварианты, которые приобретают формы психогенетических паттернов как в индивидуальной, так и в социальной психике» (Donchenko 2001, p. 23) [2, с. 23]. Данная позиция вполне может быть отнесена к Ницше, который также считал, что биологическое и связанное с ним психологическое в человеке решающим образом определяют характер индивидуальной и социальной жизни.

«Все люди, которые испытывают нужду в наиболее сильных словах и звучаниях, в красноречивейших жестах и позах, чтобы *вообще* воздействовать, – революционные политики, социалисты, проповедники покаяния с христианством или без него, все те, для которых неприемлем всякий половинчатый успех, – все они говорят об «обязанностях», и только об обязанностях, носящих безусловный характер, – без таковых они не имели бы никакого права на свой большой пафос: это отлично известно и им самим! Так, хватаются они за нравственные философии, проповедующие какой-нибудь категорический императив, или они принимают в себя толику религии. Поскольку им хочется внушить к себе безусловное доверие, им необходимо, прежде всего, безусловно, доверять самим себе, на почве какой-нибудь последней непререкаемой и в себе возвышенной заповеди, служителями и орудиями которой они себя чувствуют и выставляют» (Nicshe 1999, p. 51) [8, с. 51].

Как видно из этой цитаты, люди, желающие воздействовать на других людей, должны внушить к себе чувство доверия, то есть эмоционально расположить к себе объект своего воздействия, что вполне логично, рационально и оправданно с психологической точки зрения. Но, развивая свою мысль, Ницше говорит, что всякая мораль, по крайней мере, на уровне элиты (субъектов влияния), функционирует как механизм обеспечения психологического комфорта, доверия к себе, в конечном счете, видимо, самоуверенности. С первого взгляда может показаться, что здесь речь вовсе и не идет о каких-то нерациональных основаниях.

Действительно, в той же политике часто можно видеть как люди, облеченные властью или стремящиеся к ней для достижения своих, часто меркантильных целей, прикрываются какими-либо ценностями, выступают от их имени, или как их защитники, вызывая к себе, таким образом, доверие народа. Однако же, как пишет Ницше (и с чем следует согласиться), эти лидеры не только *выставляют* себя служителями и орудиями этих заповедей, они себя таковыми и *чувствуют*. Здесь, скорее всего, Ницше имел в виду, что человеку (и лидеру) психологически удобнее верить в то, что его действия являются не просто удовлетворением меркантильных потребностей, а служат неким высшим идеалам. В отношении власть предержащих возведение этого утверждения в абсолютный статус все же представляется неуместным, так как здесь большое значение играют индивидуальные черты человека.

Один лидер искренне может верить, что действует из лучших побуждений, другой же может вполне отдавать себе отчет, что все, что он делает, служит, в конечном счете, его выгоде или выгоде его приближенных. Это, скорее всего, чисто психологическая проблема. У самого Ницше тоже не до конца ясно, является ли принятие тех

или иных ценностей на индивидуальном уровне актом чисто психологическим, без примесей рационализма. Но можно утверждать, что психологические аффекты выступают как первичные катализаторы принятия человеком определенных ценностей: «Тот, кто чувствует себя обесчещенным при одной лишь мысли, что он является орудием в руках какого-либо правителя или какой-либо партии и секты, или даже денежной власти, и, будучи, к примеру, отпрыском старой гордой фамилии, тем не менее хочет или вынужден быть в своих собственных глазах и в глазах общественности этим орудием, тому необходимы патетические принципы, которые всякий раз можно иметь на кончике языка, – принципы безусловного должностования, которым можно подчиняться, делая это напоказ, без всякого стыда» (Nicshe 1999, p. 51) [8, с. 51].

Анализируя особенности поведения массы, Ницше фактически полностью уходит в сферу психологических интерпретаций: «Подавляющее большинство не считает постыдным верить в то или другое и жить сообразно этой вере, не отдавая себе заведомо отчета в последних и достовернейших доводах за и против, даже не утруждая себя поиском таких доводов, – самые одаренные мужчины и самые благородные женщины принадлежат все еще к этому «подавляющему большинству» (Nicshe 1999, p. 45) [8, с. 45].

Действительно, люди, в своем подавляющем большинстве, зачастую склонны принимать те или иные нормы на веру, руководствуясь во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в общественной жизни, не разумом, а чувствами. Это особенно справедливо для большинства, как некой совокупной массы людей, которая в таком качестве воспринимает, скорее, обращение к своей психологии, эмоциям, инстинктам, чем к здравому смыслу.

Так, у Е. Вознесенской отмечено, что «одним из факторов, существенно влияющих на политический выбор, является стереотипизированное восприятие фотоизображений кандидатов в рекламных материалах, которое чаще всего происходит на нерелексируемом интуитивном и иррациональном уровнях. Исследования показывают, что этот стереотип активно используется обыденным сознанием для оценки кандидатов в депутаты и для политического выбора.

Канадские ученые экспериментально подтвердили тезис о том, что красивых избирают чаще. Студенты, которым раздали 80 фотографий неизвестных им людей, выделили 16 человек с «привлекательной внешностью» и 15 – с «непривлекательной». Все 80 баллотировались в парламент. Из «красивых» в депутаты попали семеро, из «некрасивых» – лишь один» (Voznesenskaja 2000, p. 60) [1, с. 60].

Проблему соотношения рационального и иррационального в современном обществе также можно представить в виде некой трансмутации этих двух начал. По мнению Г. Маркузе, «мы вновь сталкиваемся с одним из самых угнетающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером его иррациональности» (Markuze 2003a, p. 272) [5, с. 272].

«Предназначение разума, – раскрывает эту мысль Маркузе, – обеспечить реализацию человеческих возможностей путем все более эффективного преобразования и эксплуатации природы. Однако, похоже, что с течением времени цель меняется местами со средствами: время, отдаваемое

отчужденному труду, прихватывает и время для индивидуальных потребностей – и начинает определять сами потребности. Логос раскрывается как логика господства. А затем, когда логика редуцирует целостные массивы мысли к знакам и символам, законы мышления превращаются в конце концов в технику расчета и манипулирования (Markuze 2003b, p. 100) [6, с. 100].

По сути дела, данное утверждение констатирует тот факт, что научно-технический прогресс и рост грамотности населения не могут устранить общественных проблем, а наоборот, как считает в частности Маркузе, их усиливают. Для иррационализма современное индустриально развитое общество оказалось благоприятной средой. Рациональность прогресса повысила иррациональность его организации и направления. «Сегодня, – пишет далее Маркузе, – мистифицирующие элементы освоены и поставлены на службу производственной рекламе, пропаганде и политике. Магия, колдовство и экстагическое служение ежедневно практикуются дома, в магазине, на службе, а иррациональность целого скрывается с помощью рациональных достижений» (Markuze 2003a, p. 453) [5, с. 453]. Таким образом, можно признать, что Ницше обозначил тенденцию отхода западной философии от просветительских надежд на разум и прогресс, и внес значительный вклад в становление критических теорий в неклассической философии относительно проблем развития общества.

Учитывая вышесказанное, крайний пессимизм Ницше относительно перспектив развития западного общества сегодня уже не выглядит надуманным и бесосновательным. Следует подчеркнуть, что особой заслугой Ницше для современной социальной философии остается его предвосхищение появления массового общества.

Но Ницше критикует массу преимущественно не за то, что она плохо использует разум, – философ всегда отрицал его ценность. Общество, где господствует большинство, является для него неприемлемым потому, что, по его мнению, это неизбежно ведет к упадку, вырождению, декадансу человека как биологического вида: «Я называю животное – род, индивидуум – испорченным, когда оно теряет свои инстинкты, когда оно выбирает, когда оно предпочитает то, что ему вредно. Сама жизнь ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, *власти*: где недостаёт воли к власти, там упадок» (Nicshe 1990a, p. 635) [7, с. 635]. Что же касается причин этого упадка, то их философ видит в уходе общества от естественности, понимаемой Ницше как господство первобытных инстинктов, а также в насаждении в обществе морали рабов, которая есть философия слабости, понижающая «жизненный тонус», насыщенность жизни, в общем, то же проявление декаданса и вырождения.

В этом ключе, понятна критика Ницше именно западного общества, которое первое встало на путь культа большинства, а значит, и на путь упадка: «измельчание и нивелирование европейского человека таит в себе величайшую *нашу* опасность, ибо зрелище это утомляет... Нынче мы не видим ничего, что хотело бы вырасти; мы предчувствуем, что это будет скатываться всё ниже и ниже, в более жидкое, более добродушное, более смышлёное, более уютное, более посредственное, более безразличное, более китайское, более христианское – человек, без всякого сомнения, делается всё «лучше» (Nicshe 1990c, p. 430) [11, с. 430].

Ницшеанская критика общества, а также присущих ему аспектов рационализма, стала важной и плодотворной частью современной западной общественной мысли.

По большому счету антиномия человек – общество, Ницше решает в пользу человека. В этом смысле можно говорить не только о либеральных моментах в философии Ницше, но и о ее значении для формирования принципов неклассической философии.

Т. Лютый отмечает: «Классическая философия, особенно в лице Канта и Гегеля, приблизилась к формированию антиномий-проблем, но не дала методологии выхода из подобных ситуаций мышления. А неклассическая философия не раз удостоверяла отступление от традиций, хоть преимущественно и путем иррационального запроса. Однако кардинальная антиномия культуры на Рубиконе столетий уже была выражена Ницше в трагическом противопоставлении символики *дионисийской* и *аполлонической* культур. Речь шла об оппозиции между разными типами знания. Этим Ницше затронул вопрос о возможностях новой антропологии, другой роли мышления и разума (Ljutij 2005, p. 185) [4, с. 185].

При этом Ницше настаивает, что именно инстинкты играют в обществе решающую роль, он явно абсолютизирует их значение, сводя все общественные процессы, в конечном счете, к инстинктам: «У всего Запада нет более тех инстинктов, из которых вырастают учреждения, из которых вырастает будущее. ... То, что делает из учреждений учреждения, презирается, ненавидится, отстраняется; воображают опасность нового рабства там, где хоть только произносится слово «авторитет». Так далеко идет *decadence* инстинкта ценностей у наших политиков, у наших политических партий: они инстинктивно предпочитают то, что разлагает, что ускоряет конец» (Nicshe 1990a, p. 616) [7, с. 616].

Итак, речь здесь идет только о тех или иных инстинктах, просто одни инстинкты служат гармонизации общественных отношений и укреплению социальных институтов, а другие наоборот, ведут к разрушению. Поэтому, согласно Ницше, чтобы гармонизировать общественные отношения, нужно подавить одну группу инстинктов, а другой группе позволить достигнуть господства: «В такие времена, как нынешнее, быть предоставленным своим инстинктам является лишним злополучием. Эти инстинкты противоречат, мешают друг другу, взаимно разрушают друг друга; я уже определил разумность как физиологическое самопротиворечие. Разумность воспитания требовала бы, чтобы под железным гнетом была парализована, по крайней мере одна из этих систем инстинктов, дабы позволить другой системе набираться сил, достигнуть господства» (Nicshe 1990a, p. 617) [7, с. 617].

Ницшеанскую мысль об инстинктивном и иррациональном характере общества, из которого вытекают все его противоречия, поддерживает и Г. Маркузе: «Целое» представляется воплощением самого Разума. Тем не менее именно как целое это общество иррационально. Его производительность разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей, его мирное существование держится на постоянной угрозе войны, а его рост зависит от подавления реальных возможностей умиротворения борьбы за существование – индивидуальной, национальной и международной» (Markuze 2003a, p. 256) [5, с. 256].

По Маркузе, «подобная противоречивость характерна, прежде всего, для современного западного общества, в котором доминируют капиталистические отношения тесно связанные в первую очередь с либеральной идеологией.

На стадии наивысшего развития капитализма общество является системой приглушенного плюрализма, в которой институты состязаются в укреплении власти целого над индивидом. Тем не менее для управляемого индивида плюралистическое администрирование гораздо предпочтительнее тотального» (Markuze 2003a, p. 314) [5, с. 314].

Согласно Маркузе (да и других представителей Франкфуртской школы), репрессивность вообще характерна для либерального западного общества, это своего рода «репрессивная терпимость» на деле является разновидностью современного мягкого фашизма.

«В настоящее время, – пишет Маркузе, – противостояние центральному планированию во имя либеральной демократии, отрицаемой в действительности, служит идеологической опорой репрессивным интересам» (Markuze 2003a, p. 510) [5, с. 510].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Размышления Ницше о природе общественных отношений дали толчок ряду представителей неклассической философии к дальнейшему осмыслению недостатков западного общества с точки зрения теории кризиса. В данном случае у Маркузе прослеживается близкая по духу к философии Ницше мысль о принципиально негативном векторе развития современного западного общества, все институты которого, внешне заботясь об индивиде, на самом деле стремятся его подавить. Механизм же этого подавления, как и у Ницше, понимается как иррациональный.

Сам Ницше считает, что природа общества и процессы внутри него – это сфера абсолютного господства инстинктов, любая осознанная деятельность человека может быть сведена к ним. Поэтому в основе социально-политической концепции Ницше лежит идея отрицания рационалистической (аполлонической) западной культуры вследствие ее обреченности на гибель из-за кризиса всех ценностей. При этом сущность европейского кризиса для Ницше – это утверждение массового общества, которое является высшим проявлением всего антиестественного, антижизненного.

Библиографические ссылки

1. Вознесенская Е. Иррациональность политического выбора: красивые избирают чаще / Е. Вознесенская // Персонал. – 2000. – № 4. – С. 57–61.
2. Донченко О. Архетипи соціального життя і політика: Глибинні регулятори психологічного повсякдення / О. Донченко, Ю. Романенко : моногр. – К. : Либідь, 2001. – 334 с.
3. Корецкая М. А. Власть: метафизическая тема в неметафизическом контексте / М. А. Корецкая // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». – 2007. – № 1. – С. 10–17.
4. Лютий Т. Зв'язок аполлонічного та діонісійського начал як розгортання царини взаємної зумовленості «розумності нерозумного» / Т. Лютий // Філософсько-антропологічні студії. – К. : Стило, 2005. – С. 182–190.
5. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – С. 251–515.
6. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе // Маркузе

Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. – М. : ООО «Изд-во АСТ». 2003. – С. 5–250.

7. Ницше Ф. Антихрист / Ф. Ницше // Сочинения : пер. с нем., в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 631–692.
8. Ницше Ф. Веселая наука / Ф. Ницше : пер. с нем. – М. : Эксмо-пресс, 1999. – 576 с.
9. Ницше Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Сочинения : пер. с нем., в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше : пер. с нем. – М. : Московский рабочий, 1991. – 286 с.
11. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Сочинения : пер. с нем., в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 407–524.
12. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Сочинения : пер. с нем., в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 556–630.
13. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер : пер. с нем. – М. : Гнозис, 1993. – С. 183–184.
14. Ясперс К. Ницше и Христианство / К. Ясперс : пер. с нем. – М. : Медиум, 1994. – 114 с.
15. Horkheimer M. Dialectik der Aufklarung / M. Horkheimer und Th. W. Adorno. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp Verlag, 1969. – 308 s.

Захарчук А. Ф. Співвідношення елементів раціонального – ірраціонального у соціально-філософських поглядах Ф. Ніцше

Проаналізовано погляди Ф. Ніцше на проблеми сучасного західного суспільства у контексті співвідношення елементів раціонального – ірраціонального. Розглянуто вплив критики Ніцше раціоналістичних інтенцій західної культури на становлення деяких сучасних неklasичних підходів у західній філософії на розуміння природи суспільства та суспільних процесів.

Ключові слова: Ф. Ніцше, суспільство, раціональне, ірраціональне, західна філософія, теорія кризи.

Zaharchuk A. F. Correlation of the elements by rational-irrational in the Nietzsche's social and philosophical views

This article analyzes the views of Nietzsche on the problems of modern Western society in the context of the relationships of the elements of rational-irrational. Case in point is the influence of Nietzsche criticism of rationalist intentions of Western culture on the formation of some modern non-classical approaches in Western philosophy with respect to understanding the nature of society and social processes.

The relevance of the analysis of the rational-irrational elements in the context of the social and philosophical ideas of Friedrich Nietzsche is driven by the need to show the dynamics of the social process as a process of progressive development of human knowledge, which is committed to a comprehensive understanding of human nature and society. Thus, an important aspect of understanding the social problems is the appeal to the irrational and the rational side of his being.

Understanding the importance of a comprehensive study of human nature, which is inherent in modern non-classical philosophy, largely made it possible by the views of Friedrich Nietzsche, who was one of the first in Western philosophy who has attempted to move away from its classical forms. In this regard, it can be argued that the philosophy of life in general and the teaching of Nietzsche as its most brilliant representative in particular, and even made an invaluable contribution to the fundamental understanding of the irrational side of human existence and society.

Nietzsche's thinking about the nature of social relations gave further impetus to a number of representatives of non-classical philosophy to further reflection on the shortcomings of Western society from the point of view of the theory of crisis. In this case, Marcuse observed close to the spirit of the philosophy of Nietzsche's idea of a fundamentally negative vector of development of modern Western society, all the institutions

which, apparently taking care of the individual, in fact, seek to suppress it. The same mechanism of this suppression, as Nietzsche understood as irrational.

Keywords: F. Nietzsche, society, rational, irrational, Western philosophy, the theory of the crisis.

References

Voznesenskaja, E 2000, 'Irracional'nost' politicheskogo vybora: krasivyh izbirajut chashhe' ['Irrationality of political choice: beautiful are more often elect']. *Personal*, №4, pp. 57–61.

Donchenko, O & Romanenko, Ju 2001, 'Arhetipi social'nogo zhitlja i politika: Glibinni reguljatori psihologichnogo povsjakdennija' ['Archetypes of the social life and politics. Deep regulators of psychological present'], *Libid'* publ., Kyiv.

Koreckaja, MA 2007, 'Vlast': metafizicheskaja tema v nemetafizicheskom kontekste' ['The metaphysical theme in the non-metaphysical context'], *Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. Vypusk «Filosofija. Filologija»*, № 1, pp. 10–17.

Ljutij, T 2005, 'Zv'jazok apollonichnogo ta dionisijs'kogo nachal jak rozgortannja carini vzajemnoi zumovlenosti «rozumnosti nerozumnogo»' ['Interrelation apollonian and Dionysian as began of expanding the area of mutual conditionality of «rationality unreason»'], *Filosofs'ko-antropologichni studii*, Kyiv, Stilos publ., pp. 182–190.

Markuze, G 2003a, 'Odnomernyj chelovek. Jeros i civilizacijam' ['One-Dimensional Man. Eros and Civilization'], in G. Markuze, *Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva*. Moscow, OOO «Izdatel'stvo ACT» publ, pp. 251–515.

Markuze, G 2003b, 'Jeros i civilizacija' ['Eros and Civilization'] in G. Markuze, *Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva*, Moscow, OOO «Izdatel'stvo ACT», pp. 5–250.

Nicshе, F 1990a, 'Antihrist. Sochinenija' [Antichrist. Compositions'], *Mysl'* publ, Moscow, T. 2, pp. 631–692,

Nicshе, F 1990b, 'Veselaja nauka. Sochinenija' ['The Gay Science. Compositions'], *Mysl'* publ, Moscow, T. 1, pp. 491–719.

Nicshе, F 1990c, 'K genealogii morali. Sochinenija' ['Genealogy of Morals. Compositions'], *Mysl'* publ, Moscow, T. 2, pp. 407–524.

Nicshе, F 1990d, 'Sumerki idolov, ili kak filosofstvujut molotom. Sochinenija' ['Twilight of the Idols, or how to philosophize hammer. Compositions'], *Mysl'* publ, Moscow, T. 2, pp. 556–630.

Nicshе, F 1991, 'Volja k vlasti. Opyt pereocenki vseh cennostej' ['The will to power. Experience the revaluation of all values'], *Moskovskij rabochij*, Moscow.

Nicshе, F 1999, 'Veselaja nauka' ['The Gay Science'], Eksmo-press publ., 1999, Moscow.

Hajdegger, M 1993, 'Slova Nicshе «Bog mertv»' ['Nietzsche's «God is dead»], in M. Hajdegger *Raboty i razmyshlenija raznyh let*, Moscow, Gnozis publ., pp. 183–184.

Jaspers, K 1994, 'Nicshе i Hristianstvo' ['Nietzsche and Christianity'], *Medium* publ., Moscow.

Horkheimer, M & Adorno, ThW 1969, 'Dialektik der Aufklarung', *Suhrkamp Verlag*, Frankfurt a. M.

Надійшла до редколегії 04.03.2013 р.

УДК 130.1

Н. С. Звонок

Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)

КОНФИГУРАЦИИ СИМВОЛИЗМА В УКРАИНСКОЙ ИКОНЕ

Раскрыты основные аспекты развития символизма в украинской иконе на протяжении ее существования, начиная с аскетического византийского стиля и завершая использованием катакомбной символики с учетом реалий истории в современной украинской иконописи. Наряду с характеристиками символизма рассмотрены особенности украинской иконы.

Ключевые слова: символизм, иконопись, украинская икона, история, православие, символ.

Сегодня, когда души людей все больше обращаются к христианству, православию, как исторически укорененному в Украине направлению, значительное внимание в обществе уделяется украинской православной иконе, не только как учебнику православной грамоты, но воплощению ее глубинной символики, скрывающей тайны Богопознания, великий эстетико-философский смысл. Данная работа является актуальной, поскольку раскрывает особенности истории символизма украинской иконы и его философскую глубину.

Украинская икона является самобытным образованием. Вливаясь в общий процесс развития изобразительного искусства, приобретает черты «своего», а не заимствованного искусства, обогащаясь средствами народного искусства своей страны, она выражает не только вселенский христианский идеал, но и идеал национальной святости.

Украинской иконе посвятили свое творчество многие исследователи: И. Свенцицкий, С. Яремич, В. Залозецкий, В. Свенцицкая, Д. Степовик, В. Попович, И. Федь и др., представляющие философию, богословие и искусствоведение в Украине и в диаспоре. Среди исследователей особое место занимает творчество Д. Степовика, который всесторонне проанализировал историю и особенности украинской иконы от зарождения до сегодняшнего дня.

Целью данного исследования является попытка

научного анализа развития символизма в украинской иконе на протяжении ее существования, рассмотренного наряду с художественными особенностями украинской иконописи.

Икона появилась на Руси в момент ее крещения или чуть раньше – во времена княгини Ольги. Князь Владимир привез из Херсонеса в Киев ряд икон и святых, но из них ни одна не сохранилась. В украинском языке закрепилось слово «образ», по аналогии с «Первообраз» – намек на святого, которому посвящена икона. По мере расширения строительства храмов возникают не только византийские или греческие, но и первые русские – из Руси – иконы. Школы иконописи создавались, в основном, при монастырях. Создателем киевской школы иконописи считают митрополита Иллариона, который выступал против засилья византийцев в иконописи на территории Киевской Руси. Иконописные мастерские находились при храмах Святой Софии и Печерского монастыря, основанного Антонием и Феодосием. До Феодосия Печерского (1062–1074) иконы привозились из Крыма, Балкан или Византии. Феодосий впервые украсил церкви Лавры написанными в Киеве иконами. Киевская лаврская иконописная школа повлияла в дальнейшем на становление иконописи во всем восточном и южном славянском мире – от Адриатики до Белого моря, а также на иконопись Румынии и Молдовы. Иконописцы со всей Киевской державы учились в столице и приглашали